

СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КАК ФАКТОР НЕИЗБЕЖНОСТИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

История Советского государства за последние четверть века плотно заполнилась мифами. Трудно перечислить все домыслы и фантазии досуужих авторов-публицистов, «независимых исследователей» и пр. Пожалуй, нет страницы отечественной истории, которая не подверглась бы такому мифотворчеству, «новому прочтению», вскрытию «белых» пятен и раскрытию тайн, как история Октябрьской революции 1917 г. Как правило, мифы породили множество ничего общего не имеющих с истиной легенд, которые абсолютно исказили историческую картину в массовом представлении людей. Таким образом, любые реальные события, будучи вставлены в мифологическое пространство, теряют свое подлинное значение, связь и смысл. Приверженность заданной десятилетиями «исторической концепции», как и ее политическая ангажированность, могут сыграть злую шутку как с опытными исследователями, так и с рядовыми, не искушенными в научных тонкостях, читателями. Цель мифологии проста – сконструировать комплекс исторической неполноценности, внедрить его в сознание народов бывшего СССР и заставить их поверить, что советская и российская история XX в. является настолько кровавой, какой ни у кого и никогда нигде не было. Если же исключить из осмысления исторического процесса мифологию, то можно установить историческую правду. Несомненно, она насчитывает немало жестоких, даже кровавых страниц. Однако трудно найти страну, где их не было. Как считал британский философ и историк Р.Дж. Коллингвуд, первейшей обязанностью историка должна быть готовность любой ценой установить, что же произошло в действительности [1, с. 174]. Следует исходить из положения, что история – это наука, в которой факты можно по-разному интерпретировать в разных школах и направлениях, но нельзя извращать. Только тогда мы вернемся на дорогу к нашему нормальному историческому достоинству, когда не будем кидаться из крайности в крайность, когда не будем прославлять или проклинать, а будем понимать себя, и передадим эту правду детям и внукам. Тогда будет идентичность, тогда будет нация и ее будущее.

Многие поколения советских и российских граждан считали и считают, что самодержавие уничтожили большевики, однако именно русская либеральная буржуазия в феврале 1917 г. свергла царя и разделила страну на десятки враждебных «государств». Большевики в февральских событиях участия практически не принимали. Почему же стал возможным

Февраль? Ответ очевиден. В стране накопился комплекс непримиримых противоречий, Россия как государство впала в глубочайший системный кризис. Наиболее корректную характеристику системного кризиса дал известный российский ученый-математик, академик Н.Н. Моисеев. Он считал, что системный кризис государства – это совокупность политического, экономического и социального кризиса в обществе, выраженного в неспособности политической элиты подняться до уровня государственных деятелей, ставящих интересы державы выше личных и корпоративных [2, с. 174]. Другими словами, аппарат управления начинает работать на самого себя. И в этой ситуации необходима перестройка аппарата управления и устранения факторов, мешающих выполнению его «табельных» обязанностей. Преодоление кризисов требует перестройки всей структуры, частичной или полной замены аппарата управления [3, с. 35].

Наиболее отчетливо кризисные явления российской империи проявились в экономике. Россия на рубеже XIX – начале XX вв. находилась на достаточно низком уровне экономического развития. Не стоит обольщаться цифрами промышленного роста, слишком низки были стартовые позиции. Без всестороннего анализа и осмысления малосодержательны цифры огромных иностранных инвестиций в Россию. Доходы от инвестиций работали на экономику стран-инвесторов, по-колониальному эксплуатировавших дешевые природные и людские ресурсы России. Иностранные банки владели $\frac{3}{4}$ акций в металлургической промышленности (более 50 % акций принадлежали парижскому консорциуму из трех банков). Паровозостроение – 100 % акций принадлежали парижской и немецкой банковским группам. Судостроение – $\frac{9}{10}$ банкам, из них $\frac{2}{3}$ – парижским. Нефтяная промышленность – $\frac{3}{4}$ капитала у групп «Ойл», «Шелл», «Нобель», им же 50 % нефтедобычи и $\frac{3}{4}$ торговли ею. В канун Первой мировой войны иностранцам принадлежала вся нефтяная промышленность России, девять десятых угольной, 50 % химической (и так находившейся в зачаточном состоянии), 40 % металлургической и 28 % текстильной [4, с. 20].

Показателем промышленной мощи государства, уровня экономического развития и национальной безопасности страны в XX в. стала автомобильная промышленность. В это время Россия вышла на первое место в мире по темпам роста промышленности. В 1898 г. она заняла четвертое место в мире по выплавке чугуна, седьмое – по добыче угля и первое – по добыче нефти. Но это плоды эксплуатации природной ренты – полезных ископаемых. С производством наукоемкой и высокотехнологичной продукции, т. е. автомобилей, дело обстояло следующим образом. Двигателей внутреннего сгорания в России в 1900 г. произведено на 83,9 тыс. р., а ввезено на 780 тыс. р. В России были автомобильные заводы. Первым предприятием, начавшим серийный выпуск

автомобилей, был Русско-Балтийский вагонный завод. Одно из первых предприятий – завод Г.А. Лесснера – в 1905 г. произвело 13 машин «Даймлер-Луцкого». Но, по данным Министерства торговли и промышленности, в 1910 г. в России было собрано 24 автомобиля, 1911 г. – 46, 1912 г. – 95. Для сравнения: немецкая фирма «Бенц» изготовила в 1895 г. – 135, в 1899 г. – 572, 1900 г. – 603 автомобиля [5]. Российский и советский экономист Л.Б. Кафенгауз в 1912 г. писал: «Размеры этого (российского – прим. авт.) производства пока еще ничтожны по сравнению с общей потребностью в автомобилях, которая удовлетворяется преимущественно ввозом из-за границы. Так, с 1908 г. по 1913 г. ввоз автомобилей возрос с 879 штук на сумму 3 368 тыс. р. до 5 416 штук на сумму 17 381 тыс. р.» [6, с. 142]. Отставание автопрома, в частности и всей промышленности России в целом, было катастрофичным. Оно не могло не повлиять на ход боевых действий армии. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.А. Брусилов отмечал: «Неудачи наши на фронте в 1915 г. ясно показали, что правительство не может справиться всецело со взятой им на себя задачей – вести удачно войну самостоятельно, без помощи общественных сил, ибо оказалось, что патронов и снарядов у нас нет, винтовок не хватает, тяжелой артиллерии почти нет, авиация в младенческом состоянии и во всех областях техники у нас нехватка» [7, с. 217]. И далее генерал приходит к неутешительному выводу: «Приходилось вследствие нашей слабой подготовки во всех отношениях возмещать в боях нашу техническую отсталость в орудиях борьбы излишней кровью, которой мы обильно поливали поля сражения» [7, с. 218]. Таким образом, «достижения» русского капитализма были с лихвой оплачены русской кровью на полях сражений.

Нужно отметить, что Россия при царствовании Николая II не выиграла ни одной крупной войны. Да и царствование Александра II отмечено неудачной Балканской войной, приведшей к 200-тысячным потерям русской армии и в результате образованием враждебных России Болгарии и Румынии. Генерал граф А.А. Игнатьев, описывая русско-японскую войну, отмечал, что «даже в отношении обмундирования русская армия оказалась столь плачевно подготовлена, что через шесть месяцев войны солдаты обратились в толпу оборванцев». Зато бесчисленные иконы, хоругви, полковые значки и знамена сопровождали армию [8, с. 243]. Боевая подготовка эскадр З.П. Рожественского и Н.И. Небогатова была выполнена плохо. Великий князь Александр Михайлович Романов в своих мемуарах о Николае II отозвался так: «Если бы я был на месте Ники, я бы немедленно отрекся от престола. В Цусимском поражении он не мог винить никого, кроме самого себя. Он должен был бы признаться, что у него не доставало решимости отдать себе отчет во всех неизбеж-

ных последствиях этого самого позорного в истории России поражения» [9, с. 148]. Мировая война показала неспособность русского капитализма и правящей «элиты» справиться с экономическими проблемами и в тылу, что привело к абсолютному ухудшению материального положения подавляющего большинства трудового населения. В годы войны происходит правительственная чехарда, когда в стране сменились 4 председателя Совета министров, 6 министров внутренних дел, 4 военных министра, юстиции, земледелия, 3 министра иностранных дел. Война стала для экономики России непосильным испытанием. Неразвитость железных дорог вызвала транспортный, топливный и продовольственный кризисы. Государственный долг России вырос в четыре раза. Цены на продовольствие выросли в среднем на 556 %, на предметы первой необходимости – на 1109 %. Так, черный хлеб подорожал на 330 %, масло – на 557 %, молоко – на 471 %. Еще больше выросли цены на товары первой необходимости: мыло – на 780 %, ситец – на 1 173 %, дрова – на 1100 %. Прибыли предпринимателей достигали 900 % [10, с. 254–255]. Война вскрыла поразительный факт – отечественная буржуазия и правительство не в состоянии обеспечить страну оружием. В 1914 г. мощный Тульский оружейный завод изготовил целых 16 винтовок. Царское правительство заказывало винтовки в САСШ у фирм «Винчестер», «Ремингтона» и «Вестингауз». Фирмы заказ выполнили далеко не полностью и с опозданием. За 1914–1916 гг. Россия влила в экономику Америки около 1 800 000 000 золотых р., разместив заказов на 1 287 000 000 долл.

В ходе войны выяснилось, что, помимо нехватки снарядов, пушек и патронов, в армии критическая нехватка офицеров. Россия вступила в войну единственной из основных стран-участниц, не имевшей системы всеобщего среднего образования (в Пруссии всеобщее бесплатное образование в народных школах было введено Конституционной Хартией 1850 г.). Как следствие – в 1907 г., по статистике, в русской армии из тысячи новобранцев насчитывалось 617 неграмотных. В Германии один неграмотный приходился лишь на 3 тысячи призывников. Видный думский деятель В.В. Шульгин настроения 1916 г. описывал так: «Ужасный счет, по которому каждый выведенный из строя противник обходился нам за счет гибели двух солдат, показывает, как щедро расходовалось русское пушечное мясо. Один этот счет – приговор... всем нам, всему правящему и неправящему классу, всей интеллигенции, которая жила беспечно, не обращая внимания на то, как безнадежно в смысле материальной культуры Россия отстала от соседей. То, что мы умели только петь, танцевать, писать стихи в нашей стране, теперь окупалось миллионами русских жизней.» [11, с. 93]. Бывший военный министр Д.С. Шувалов на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства на вопрос следователя «...знал ли царь об огромных по-

терях Действующей армии и насколько его это волновало? ответил: да, знал, но волновало мало» [12, с. 31].

Война была далека от интересов народа. Генерал А.А. Брусилов вспоминал: «Сколько раз спрашивал я солдат в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя. Что сказать про такое пренебрежение к русскому народу?!» [7, с. 83]. Как результат – к 1916 г. в стране насчитывалось около 1,5 млн дезертиров [13, с. 364]. Генерал А.А. Брусилов отмечал: «...можно сказать, что к февралю 1917 года вся армия – на одном фронте больше, на другом меньше – была подготовлена к революции» [7, с. 218].

На протяжении полувека перед падением режима оставалась кризисной ситуация в деревне. Реформа Александра II была только полумерой. «Закон всякой жизни, отмечал В.Г. Короленко в книге «Земли! Земли!», в том числе и общественной, – движение. Застой в земледельческой стране, как наша, прежде всего отражается на земле. С освобождением крестьян голодовки, довольно частые при крепостном праве, казалось бы, не должны повторяться. Но они появились вновь сначала лишь частичные, потом все шире и чаще. Люди питались лебедой, ели даже кору и о бедствии много говорили» [13, с. 72].

Первая революция в России напугала самодержавие. Режим пытался руками председателя Совета министров П.А. Столыпина решить аграрный вопрос путем неуклюжей и обреченной на провал реформы. Вот как характеризовал реформу митрополит Вениамин (Федченков), главный духовник армии Врангеля, сам происходивший из крестьян: «Тогда я жил в селе и отчётливо видел, что народ – против неё. И причина была простая. Из существующей площади – даже если бы отнять все другие земли: удельные, помещичьи, церковные и монастырские – нельзя было наделить все миллионы крестьян восьмидесятидесятинами хуторами... Хутора в народе проваливались. В нашей округе едва нашлось три-четыре семьи, выселившиеся на хутора. Дело замерло, оно было искусственное и ненормальное» [15].

Земельный вопрос не был решен потому, что для его решения надо было пойти на радикальные шаги и отменить частную собственность на землю. При этом страна не испытывала недостатка в природных ресурсах. Будучи премьер-министром России С.Ю. Витте писал: «Черноморский берег представляет собой (как и многие местности Кавказа) такие природные богатства, которым нет сравнения в Европе. В наших руках это все в запустении. Если бы это было в руках иностранцев, то уже давно местность эта давала бы большие доходы и кишела бы туристами» [16, с. 372].

Неспособность управлять страной, неумение использовать ее богатейшие ресурсы, решить насущные экономические и политические проблемы привели царизм к потере авторитета в обществе, вызвали недовольство всех классов и слоев населения России. Закономерно в стране к концу 1916 г. сложилась революционная ситуация.

Царствование Николая II – это две проигранные войны и два революционных потрясения, второе привело к государственной катастрофе. Уже в начале XX в. власть России допустила смуту, приведшую к параличу хозяйственной жизни. В октябре 1905 г. в стране не работали железные дороги, почта и телеграф, большинство промышленных предприятий. Россия, по сути, вошла в хаос дезорганизации. Военные поражения в русско-японской войне, огромные человеческие жертвы стали тем историческим пунктом, положившим начало всеобщей смуте. Николай II был вынужден пойти на ограничение самодержавия куцыми конституционными законами, это было как раз то, что его отец и дед полагали началом конца российской государственности. Отдельные авторы считают, что это был шаг к конституционализму, но это далеко не так. Лучшим доводом служат слова лидера кадетов П.Н. Милюкова во время визита в Англию, что оппозиция в Думе «остается оппозицией его Величества, а не его Величеству» [17, с. 420].

Манифест 17 октября 1905 г. фактически означал признание кризиса и неспособность правящей элиты с ним совладать. Николай II пытался продолжать править по формуле «народного самодержавия», что предполагало упор на религиозную идентичность, идею духовного единства царя и народа. Как отмечал французский историк Н. Верт: «На рубеже веков у царской власти была лишь одна насущная политическая задача – во что бы то ни стало сохранить самодержавие» [18, с. 9]. Попытки царя поддерживать идентичность державно-имперскую, видимость единства народа и власти вылились в череду «общенародных» празднеств в ознаменование различных памятных дат.

Царизм не пользовался поддержкой даже дворянства – своей опоры. Причины этого отмечал впоследствии в мемуарах видный думский деятель В.В. Шульгин так: «... не был виноват весь класс, до сих пор поставлявший властителей, что он их больше не поставляет... Был класс, да съездился!» [11, с. 34]. Многие политики и царедворцы, близко знавшие императора, обязанные ему чинами, должностями и титулами, отзывались о его морально-нравственном «лице» довольно нелестно. Министр внутренних дел Святополк-Мирский в разговоре с С.Ю. Витте в 1909 г. заметил: «Все приключившиеся несчастья основаны на характере государя. Государь, которому ни в чем нельзя верить, ибо то, что сегодня он одобряет, завтра от этого отказывается, не может установить в империи спокойствия» [16, с. 345].

Нельзя не упомянуть разрыв между РПЦ и династией. Священнослужители тонко чувствовали разрыв между властью и народом. Об этом многочисленные слова иерархов церкви после Февраля. В выступлении викария Ярославской епархии епископа Рыбинского Корнилия (Попова) перед паствой 6 марта 1917 г.: «...Сейчас мы слышали об отречении государя Николая II. Тяжелым крестом для России, для русского народа было его царствование». В проповеди викария Новгородской епархии епископа Тихвинского Алексия (Симанского) в Софийском соборе Новгорода, 5 марта 1917 г.: «[В последнее время в России], внутри совершались неслыханные измены со стороны тех, кто был призван царем в качестве ближайших сотрудников в управлении государством. ...Постепенно воздвигалась между царем и народом все более и более плотная стена».

Епископ Уфимский и Мензелинский Андрей (князь Ухтомский) в статье «Нравственный смысл современных великих событий» (март 1917 г.) высказывается более чем откровенно: «Мое мнение таково: это случилось потому, что режим правительства был в последнее время беспринципный, грешный, безнравственный. Самодержавие русских царей выродилось сначала в самовластие, а потом в явное своевластие, превосходившее все вероятия. ...» [19, с. 85–86].

Редкий случай, когда духовенство высказывается о царствующей династии столь определенно и прямо.

Таким образом, анализ обстановки в Российской империи в начале XX в. показывает, что как внутренняя, так и внешняя политика правящей элиты во главе с династией Романовых привела страну к резкому усилению кризисных явлений, носившему неотвратимый характер, что закономерно привело вначале к Февралю, а затем и к Октябрю. Другого пути у страны не просматривалось.

Список использованных источников

1. Коллингвуд, Р.Дж. Идея истории. Автобиография : пер. и коммент. Ю.А. Асеева; ст. М.А. Киселя / отв. ред.: И.С. Кон, М.А. Киссель; Акад. Наук СССР. – М. : Наука, 1980. – 488, [2] с.
2. Агония России. Есть ли у нее будущее? / Н.Н. Моисеев. – М. : ЭКОПРЕСС-«ЭМ», 1996. – 78 с.
3. Моисеев, Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня / Н.Н. Моисеев. – М., 2017. – 35 с.
4. Уткин, А.И. Первая мировая война / А.И. Уткин. – М., 2004. – 361 с.
5. Прокофьева Е.Ю. Становление автомобильной индустрии России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://refdb.ru/look/1943219-p12.html>. – Дата доступа: 29.10.2017.
6. Кафенгауз, Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.) / Л.Б. Кафенгауз. – М., 1994. – 287 с.
7. Брусилов, А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. – М., 1963. – 263 с.

8. Игнатъев, А.А. 50 лет в строю / А.А. Игнатъев. – М. : Воениздат, 1986. – 752 с.
9. Романов, А.М. Книга воспоминаний / А.М. Романов. – М. : АСТ : Полигон, 2009 г. – 384 с.
10. Рид, Д. 10 дней, которые потрясли мир / Д. Рид. – М. : Госполитиздат, 1957. – 351 с.
11. Шульгин, В.В. Годы. Дни. 1920 год / В.В. Шульгин. – М. : Новости, 1990. – 832 с.
12. Касвинов, М.К. Двадцать три ступени вниз / М.К. Касвинов. М. : Мысль, 1988. – 565 с.
13. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. / сост.: С.В. Мироненко. – М. : Политиздат, 1991. – 367 с.
14. Короленко В.Г. Земли! Земли! / В.Г. Короленко / Новый мир. – 1990. – № 1. – 164 с.
15. Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://booksafe.net/read/fedchenkof_veniamin-na_rubezhe_dvuh_epoh-224059.html. – Дата доступа: 30.10.2017.
16. Витте, С.Ю. Воспоминания / С.Ю. Витте. – М. : Изд-во соц.-полит. лит., 1960. – Т. 2. – 639 с.
17. Милкоков, П.Н. Воспоминания / П.Н. Милкоков. – М., 1990. – Т. 1. – С. 420.
18. Верт, Н. История советского государства. 1900–1991 : пер. с фр. – М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.
19. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / сост., автор предисл. и коммент. М.А. Бабкин. – М., 2006. – 264 с.

УДК 34 (09)

А.В. Вениосов

ЗАХВАТ И УДЕРЖАНИЕ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКАМИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Вопросы, связанные с Октябрьской революцией, 100 лет находились в поле зрения историков, юристов и всех небезразличных к этому событию людей. Написано огромное количество статей, диссертаций, монографий и другой литературы. Создается впечатление, что такое важное событие XX в. исследовано полностью и белых пятен быть не должно.

Однако стоит отметить, что день Октябрьской революции все годы Советской власти являлся главным государственным праздником, олицетворяющим день рождения нового государства. В связи с этим все негативные процессы, связанные с революцией, и подлинные характеристики ее вождей либо замалчивались, либо подвергались искажению. Все это не способствовало созданию подлинной истории Октябрьской революции и, более того, создавало искаженное представление о ее це-